

Н.В. Мельник

Кемеровский государственный университет

**Языковая личность и текст
как предмет лингвоперсонологии русского языка**

Аннотация: В статье представлены два исследовательских лингвоперсонологических направления, имеющих в качестве предмета изучения языковую личность и персонотекст, и приведена методика лингвоперсонологического анализа текста, в основу которой положены разные качества языковой способности создающих текст личностей.

The article presents two researching lingvopersonological ways having as a subject of study a linguistic personality and person-reflecting text, and the technique of the lingvopersonological analysis of the text, which is based on the different quality of linguistic personality to create texts.

Ключевые слова: языковая личность, лингвоперсонология, персонотекст.

Linguistic personality, lingvopersonology, person-reflecting text.

УДК: 81'42.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, факультет филологии и журналистики. Тел. (3842) 582745. E-mail: saikova@mail.ru.

О необходимости создания интегральной науки о личности – персонологии – в 1927 году писал Н.С. Трубецкой в своей работе «К проблеме русского самопознания»: «Личность неразложима и неповторима, а потому не может быть вполне познана средствами человеческого рассудка. И все же она может и должна быть предметом научного и философского изучения: изучаться при этом могут либо общие законы существования личности и отношения личности к миру и к другим личностям, либо формы эмпирического проявления как личности вообще, так и какой-нибудь конкретной данной личности. Изучением всего этого занимается целый ряд наук. Но координировать эти науки должна особая наука о личности – п е р с о н о л о г и я . Фактически этой науки до сих пор нет. Ее отсутствие является чувствительным пробелом в европейском научном мышлении, которое именно благодаря этому пробелу неспособно построить настоящей системы наук» [Трубецкой, 1995, с. 106–107].

Обобщая опыт французских персоналистов и работы Н.С. Трубецкого, проецируя их идеи в область современного языкознания, В.П. Нерознак пишет о становлении новой лингвистической дисциплины – лингвистической персонологии [Нерознак, 1996], под которой имеется в виду теория языковой личности. Ее корни можно найти в исследованиях художественной литературы. Так, в работах В.В. Виноградова (1930), посвященных анализу образа автора в структуре художественного целого, видят истоки формирования теории языковой личности (в данном случае, скорее, личности филологической). Видимо, по этой причине исследования языковой личности шли по направлению изучения языка творцов художественных произведений.

Истоки психолингвистического направления изучения языковой личности можно найти в работах А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Кроме того, в их

работах мы видим именно лингвистическое (не филологическое) осмысление проблемы. «Здесь, как и во всех прочих отделах языковедения, реальной величиной является вовсе не “язык” в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления. Мы должны не классифицировать языки, а только давать сравнительную характеристику людей по свойственному им языковому мышлению» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 182]. Таким образом, И.А. Бодуэн де Куртенэ намечает методологическую значимость исследований антропоцентрического характера с выходом на изучение конкретной языковой личности.

А.А. Потебня писал о ближайшем и дальнейшем значении, первое из которых является общим для всех, а второе – личным, присущим конкретному человеку [Потебня, 1964]. И хотя А.А. Потебня считал, что дальнейшее значение не является предметом собственно лингвистического изучения, в такой постановке вопроса усматривается возможность исследования своеобразия каждого человека как отдельной языковой личности применительно к языку.

Лингводидактические корни лингвоперсонологии находим в работах Ф.И. Буслаева, который еще в 1844 году писал о необходимости воздействия на личность ученика: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить одному значит вместе с тем и развивать духовные способности учащегося» [Буслаев, 2010]. На особенностях личности обучаемого обращают внимание методисты первой половины XX века. Так, например, П.О. Афанасьев пишет вслед за французским психологом А. Бине о роли индивидуальных особенностей пишущих. Выделенные им типы личности: описательный, наблюдательный, чувствующий, ученый или формальный [Афанасьев, 1930, с. 92], подтвержденные многочисленными опытами педагогов начала прошлого века, верифицированы и исследователями нашего времени.

В настоящее время лингвоперсонология активно развивается, идет становление понятийно-терминологического аппарата, вырабатываются методы и методики исследования. Рассмотрению отдельных проблем данной отрасли знания с использованием предложенного В.П. Нерознаком термина посвящены коллективная монография [Лингвоперсонология..., 2006], сборники научных трудов (например, [Вопросы..., 2007]), коллективное учебное пособие [Лингвоперсонология..., 2009] и т. д.

Выделяются два аспекта лингвоперсонологии [Голев, 2007]: персонология в лингвистическом измерении и лингвистика в персонологическом измерении.

Персонология в языковом измерении предстает как аспектуальное направление персонологии – науки о личности [Трубецкой, 1995; Мунье, 1999]. Оно активно развивается как в теоретико-методологическом [Богин, 1984; Караулов, 2004б], так и в практическом, конкретно-описательном планах. В концепции Ю.Н. Караулова, языковая личность – понятие, имеющее разные степени абстрактности, что предполагает различные аспекты ее изучения. Это может быть конкретная языковая личность (частночеловеческая, по Н.С. Трубецкому [Трубецкой, 1995]), например, автора художественных произведений в аспекте идиостилистических характеристик, языковая личность какого-либо известного деятеля, ученого и т. д., то есть, по терминологии саратовской школы [Сиротинина, 1995], элитарная языковая личность. Традиционно внимание исследователей направлено на исследование продукта речевой деятельности элитарной языковой личности, писателей, поэтов, ораторов – мастеров слова, поэтому само понятие «языковая личность» разрабатывается применительно к образу автора художественных произведений. В.В. Виноградов писал: «Образ автора – это индивидуальная, словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [Виноградов, 2005, с. 176].

«В современном научном знании тот фон, на котором происходило становление теории языковой личности и научной школы в целом, характеризовался

следующими особенностями: смещением во всех гуманитарных областях (особенно в истории, социологии, лингвистике) фокуса исследовательского интереса от элитарного человека, от «авторитета» к простому смертному, к «миноритету» и от жизни в эпохальном историческом времени – к обыденному существованию человека в его рутинной повседневности; оживлением интереса к проблеме способов и форм существования языка, а также достижениями психолингвистики в изучении языковой способности человека» [Караулов, 2004а, с. 15]. А потому под конкретной языковой личностью понимается и рядовая личность, которая также может проявлять особенности речевого поведения, отражающиеся в продуктах ее речевой деятельности.

Следующая ступень абстрактности – коллективная языковая личность, или языковая личность группы людей, например, языковая личность в профессиональном аспекте (например, государственного служащего [Панова, 2004]). И далее – языковая личность народа (многоличностная, или симфоническая, по Н.С. Трубецкому [Трубецкой, 1995]), появляются исследования, связанные с изучением «общерусского языкового типа» [Караулов, 2004б], русской национальной языковой личности (например, [Колесов, 2006]).

Все это позволяет говорить о типах индивидуальной, коллективной или национальной языковой личности, о вариантах реализации языковой способности носителей языка и о конкретных и обобщающих характерные признаки представителей каждого типа, а также о типизируемости данных различий и, как следствие, об инвариантных свойствах русской языковой личности. Строго говоря, в этом пространстве и должен был появиться термин «лингвоперсонология» в данном узком смысле, а именно **лингвоперсонология**. Иными словами, языковые свойства личности выступают средством решения внешних для лингвистики задач, в том числе задачи типологии личности, нередко языковые характеристики лишь дополняют, верифицируют, подтверждают то, что выделено психологами, социологами, педагогами на основе собственно психологических, социологических, педагогических параметров [Голев, 2007].

Лингвистика в персонологическом измерении предстает как описание языка, текста, речевой деятельности в персонологическом аспекте. Здесь язык (лексема, категория, текст, речевая деятельность) – предмет изучения, но изучается он сквозь призму характеристик личности. Язык функционирует в личностном универсуме (по Э. Мунье), или лингвоперсонологическом пространстве, а потому согласно данному подходу устройство языка, разнообразие типов речевых произведений и типов речевого поведения объясняется в том числе и разнообразием языковых личностей, при таком подходе типы языковой личности выделяются по результатам исследования, типологизации продуктов речевой деятельности носителей языка. Все это позволяет говорить о гипотезе лингвоперсонологической вариативности языка [Голев, 2004], которая предполагает введение таких понятий, как лингвоперсонологическое функционирование языка и в связи с этим – его лингвоперсонологическое варьирование (имеется в виду функционирование языка в пространстве качественного разнообразия языковых способностей и вариативность результатов такого функционирования – персонотекстов). Персонотекст при таком подходе есть текст в аспекте проявления в нем свойств языковой личности автора и/или адресата.

В качестве собственно лингвистической категории, представленной в персонологическом аспекте, могут быть рассмотрены повтор, иконичность словообразовательной формы, грамматическая категория вида, семантическая категория длительности, коммуникативная категория «свое – чужое» [Лингвоперсонология..., 2006], часть речи [Головина, 2008] и т. д.

В рамках данного направления можно рассматривать исследования, в которых в аспекте «потенция – реализация» рассматриваются явления, онтологически разные: языковой знак и языковая личность [Катышев, 2005]. В работе

Ю.С. Паули идиостиль Н.А. Бердяева представлен, с одной стороны, как реализация системных свойств языка (язык содержит в себе потенциал его творческой реализации), с другой – как реализация личности, также обладающей лингвокреативным потенциалом. При таком подходе предметом исследования является основная анафония как доминантный способ самовыражения языковой личности Н.А. Бердяева, то есть собственно лингвистическая категория [Паули, 2008]. В работе С.В. Оленева внимание исследователя направлено на речемыслительную динамику языковой личности, проявляющуюся в процессе индивидуального формообразования языкового знака. При этом делается акцент именно на собственное языковые (внутренние) детерминанты функционирования языковой личности [Оленев, 2008].

В русле персонологического измерения лингвистики выполнены исследования Т.В. Чернышовой, изучающей тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России [Чернышова, 2005], и Л.Г. Ким, рассматривающей вариативно-интерпретационное функционирование текста как в системно-структурном, так и в лингвоперсонологическом аспектах [Ким, 2009].

Материалом исследований такого рода является **текст**, именно в тексте реализует себя, с одной стороны, креативный потенциал языковой системы, с другой стороны, лингвокреативный потенциал языковой личности. В данном случае мы идем вслед за пониманием Ю.Н. Карауловым самого понятия «языковая личность» – это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью. **В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов**» (выделено нами – Н.М.) [Караулов, 1989, с. 3].

Все вышесказанное позволяет рассматривать текст как **персонотекст**, что является предметом изучения лингвоперсонологии текста – новой отрасли научного знания, формирующейся в рамках персонологического измерения лингвистики.

Традиционно текст изучается в разных аспектах, каждый из которых выделяет его сущностные свойства. Так, структурно-семантическое направление исследования текста акцентирует прежде всего такие черты, как связность и цельность текста, обладающего определенной структурой (например: [Гальперин, 1981]). Дальнейшее развитие идей данного направления позволяет ввести понятие внутренней формы текста как формально-семантической структуры, как способа выражения содержания. Функциональное направление во многом сближается со стилистическим, в основе которого лежит выбор средств выражения из множества вариантов. Коммуникативное направление рассматривает текст как один из компонентов коммуникации, в которую ко всему прочему вводится и субъект – отправитель и получатель речевого сообщения [Болотнова, 2007], что в большей мере соответствует антропоцентрическому подходу к исследованию языка и текста.

В целом обозначилась исследовательская тенденция от изучения текста как системно-структурного образования к его рассмотрению как формы коммуникации, от изучения лингвистической организации текста к изучению языковой личности, создающей или воспринимающей текст. Так, анализируя текст в коммуникативно-деятельностном аспекте, Н.С. Болотнова предлагает рассмотреть объективные и субъективные лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования, то есть «причины, условия, определяющие и стимулирующие отбор и организацию языковых средств, необходимых для построения текста» [Болотнова, 2007, с. 311]. В качестве субъективных лингвистических факторов ею названы ключевые слова, заглавие, тематические группы, стилистические приемы, принципы выдвижения; в качестве основных категорий текстообразования,

отличающихся антропоцентрической сущностью, – образ автора и образ адресата. В исследовании текст рассматривается как явление идиостиля, представленного на уровне структуры, семантики и прагматики всего текста в целом.

Лингвоперсонологический анализ является универсальным типом анализа и применим к любому тексту, независимо от его стиля, жанра и т. д. Первичный текст тоже может быть представлен с позиции отражения в нем личности, например, при актуализации авторской манеры повествования. Мы же исследуем прежде всего вторичный текст, так как это дает возможность сопоставления разных текстов с константами – исходными, первичными текстами, а потому именно вторичный текст обладает наибольшим гносеологическим потенциалом, выступая как своеобразное зеркало видения языковой личности.

В настоящем исследовании вторичный текст понимается максимально широко как текст, созданный на базе другого текста. Полученные в ходе многолетней работы материалы (вторичные тексты разных типов – изложения, сочинения, стилизации, эссе, конспекты, рефераты, аннотации и т. д.) обладают высоким гносеологическим потенциалом, так как дают возможность сравнения, сопоставления с оригиналом – исходным, первичным текстом. В результате варьирования некоторых компонентов эксперимента (аудитории, типа предложенного текста, формулировки задания), было обнаружено, что некоторые характеристики вторичного текста напрямую зависят от того или иного компонента, но максимально потенциал вариативности текста раскрывается тогда, когда само задание можно проинтерпретировать по-разному. Полученный в ходе такого эксперимента материал обладает наибольшим потенциалом именно лингвоперсонологического описания.

В соответствии с вышесказанным эксперимент по созданию вторичного текста проводился среди студентов 4 курса факультета филологии и журналистики. Задание было намеренно сформулировано максимально широко: *по предложенному тексту (монолог князя Мышкина о смертной казни) напишите вторичный текст (то есть текст, созданный на базе другого текста)*. Число критериев лингвоперсонологического описания стремится к бесконечности. В результате анализа полученных экспериментальных данных намечены параметры типизации персонотекстов: содержательный – формальный; внутритекстовый – затекстовый; интуитивный (художественный) – рационально-логический; механический – осмысленный; «окультуренный» – природный; профессиональный (филологический) – наивный; субъективный – объективный; креативный – копияльный.

Спроецируем все вышесказанное на анализ вторичных текстов:

Текст 1. *В представленном отрывке романа «Идиот» Ф.М. Достоевского приводятся рассуждения князя Мышкина о смертной казни – человечна ли она. Отрывок представляет собой элемент философского раздумья субъекта, направленный на слушателей (читателей) («Подумайте:…»).*

В тексте приводится анализ внутренних переживаний человека, ждущего смерти. Главной идеей становится одна из заповедей Христа «Не убий». В тексте она выражена так: «Нет, с человеком так нельзя поступать!»; «убивать за убийство несоразмерно большее наказание».

Убиение человека делится в тексте на планомерное («наверно», «приговор») и стихийное («разбойничье», «солдат перед пушкой»), когда у человека остается еще надежда на жизнь.

Князь Мышкин как проработка Христа говорит о том, что нельзя у человека отбирать веру и надежду на благополучный исход.

Несомненно текст является частью романа. А роман мы знаем относит к художественному стилю. Но в данном отрывке рассуждения Мышкина напоминают публицистический стиль, так как направлены на массового слушателя (читателя), на их эмоциональный мир. Здесь используются различные

средства для повышения внимания к данной теме (риторич. вопросы, наглядные примеры, различные тропы).

Таким образом, мы еще раз убедились в том, что *в художественном стиле могут присутствовать элементы различных стилей* (в этом и следующем текстах сохранена авторская орфография и пунктуация, выделения сделаны нами с целью демонстрации результатов анализа – Н.М.).

Комментарий. Данный текст представляет собой рефлексия автора по поводу **содержания** исходного текста, в нем акцентируется тема смертной казни. В своих рассуждениях автор **не выходит за пределы исходного текста**, постоянно апеллирует к нему (*В представленном отрывке романа «Идиот» Ф.М. Достоевского; отрывок; элемент философского раздумья субъекта; в тексте; текст является частью романа и т. д.*), для подтверждения своих положений приводит цитаты (*«Подумайте!...; В тексте она выражена так: «Нет, с человеком так нельзя поступать!»; «убивать за убийство несоразмерно большее наказание»*). Текст представляет собой **осмысленное** прочтение первичного, анализ **рационально-логического** типа с приведением аргументов из исходного текста (*Убийение человека делится в тексте на планомерное («наверно», «приговор») и стихийное («разбойничье», «солдат перед пушкой»)*), когда у человека остается еще надежда на жизнь) и является результатом **«наученности»**, отсюда обычные для анализа клише (*Отрывок представляет собой...; В тексте приводится анализ внутренних переживаний; Главной идеей становится...; Таким образом, мы еще раз убедились в том, что...*). Текст тяготеет к полюсу **«профессиональное»**, в нем представлена лингвистическая терминология (*риторич. вопросы, наглядные примеры, различные тропы*), происходит обращение к библейскому интертексту (*Главной идеей становится одна из заповедей Христа «Не убий»*). Текст представляет собой **объективное** повествование, авторская позиция в нем никак не представлена. Автор действует по **копиальному** принципу: не привнося в текст каких-либо принципиальных инноваций, он строит его по законам текста-анализа художественного произведения.

Тип персонотекста: **содержательный, внутритекстовый, рационально-логический, осмысленный, окультуренный, профессиональный, объективный, копиальный.**

Текст 2. – *А вот я слушаю Вас. И довольно точно вы размышляете, но позже, значительно позже Вашей жизни, людям придется пережить и гораздо худшее и гораздо тяжелее испытания... Коллега ваш, Федор Михайлович, Леонид Андреев напишет произведение «Рассказ о семи повешенных», напишет и поведает читателям, что чувствует осужденный на смерть, и опишет, каково это... Но это писатели, философы, как и Вы, а простые люди... простые люди во время Второй Мировой Войны, во времена репрессий переживали и худшие муки, и душа у них готова была выпрыгнуть, цепляясь за жизнь... И Христос ведал об этом, но и Христос молил, чтоб «минула чаша сия»... Но суждено так. Ибо род людской такой. И ежели способен на убийство, то и сам должен испытать это. Не человек, так бог, природа, рок (назовите, как хотите) убьет нас. Человек смертен – веление Господне, это его божественное желание. И ежели он говорит о том, что человек смертен, и ежели Бог создал эту плоть и тело, и ежели Сына своего заставил пережить это, то значит на то веление и замысел Божий. И стыдно, грешно роптать на Бога, Отца Нашего. Не гоже, Федор Михайлович! Да светится Имя Его, да прибудет с нами благословение Его. Аминь...*

Комментарий. Данный текст является реакцией на **форму** и **содержание** одновременно, в нем, с одной стороны, **осмысляется** поставленная в исходном тексте проблема, а с другой – делается это в форме монологического ответа, стилистика, безусловно, иная, но форма монолога детерминирована формой первичного текста. В своих размышлениях автор вторичного текста **выходит за преде-**

лы исходного, апеллируя к Л. Андрееву (*Коллега ваш, Федор Михайлович, Леонид Андреев напишет произведение «Рассказ о семи повешенных», напишет и поведает читателям, что чувствует осужденный на смерть, и опишет, каково это...*), к Библии (*И Христос ведал об этом, но и Христос молил, чтоб «минутла чаша сия»...*), к историческим событиям (*простые люди во время Второй Мировой Войны, во времена репрессий переживали и худшие муки, и душа у них готова была выпрыгнуть, цепляясь за жизнь...*). Литературный и библейский интертекст позволяют выявить **профессиональную** составляющую, но сам способ ее введения в текст говорит о непосредственной реакции на текст первичный, далекой от штампов «наученности», что свидетельствует о его **природном** начале. **Субъективность** проявляется в проявленности авторского отношения (*И довольно точно вы размышляете*), в выборе формы монолога, повествования от первого лица, экспрессивном синтаксисе (*Не гоже, Федор Михайлович!*), креативность – в жанровом своеобразии вторичного текста.

Тип персонотекста: **формально-содержательный, затекстовый, художественный, осмысленный, природный, профессиональный, субъективный, креативный.**

Данные персонотексты противопоставлены друг другу по ряду параметров. За типом персонотекста стоит языковая личность его автора, обладающая языковой способностью определенного качества.

Обобщая все вышесказанное, можно сказать, что наличие собственного объекта и предмета исследования, формирование понятийно-терминологического аппарата, разработка методов и приемов лингвоперсонологического анализа подтверждают статус лингвоперсонологии как самостоятельной научной дисциплины.

Литература

- Афанасьев П.О. Краткая методика родного языка. М.; Л., 1930.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М., 2007.
- Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.
- Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 2010.
- Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 2005.
- Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул, 2007. Ч. 1.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования М, 1981.
- Голев Н.Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 7–12.
- Голев Н.Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка // Филология: XXI век. (Теория и методика преподавания). Барнаул, 2004. С. 4–9.
- Головина Т.А. Лингвоперсонологическое функционирование частей речи: статистический аспект (на материале художественных текстов): Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3–8.
- Караулов Ю.Н. Научная школа «Языковая личность» // Гуманитарные исследования. Humanitaria studia. Астрахань, 2004а. № 3. С. 14–23.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004б.
- Катышев П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск, 2005.

- Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Томск, 2009.
- Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.
- Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку. Кемерово, 2009.
- Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул, Кемерово, 2006.
- Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.
- Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сборник научных трудов. М., 1996. С. 112–116.
- Оленев С.В. Моделирование динамики русской языковой личности. Томск, 2008.
- Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М., 2004.
- Паули Ю.С. Лингвокреативное моделирование идиостиля Н.А. Бердяева: На материале философского трактата «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Томск, 2008.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. 1. С. 142–169.
- Сиротинина О.Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 3–10.
- Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
- Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: Дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005.